

Participation of muslim spiritual servants in the national liberation movement

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-4-526-541

Sadvokasova Zakysh Tulekhanovna

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of History and Ethnology Ch.Ch. Valikhanov Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 050010. The Republic of Kazakhstan, Almaty, st. Shevchenko, 28. E-mail: tungatar_k@mail.ru

Abstract. The national liberation movement of the Kazakh people was a response to the challenge of the Russian autocracy. It was attended by almost all segments of the population from simple nomads to representatives of the Kazakh aristocracy. However, until now, studies on protest speeches by Muslim clerics are very rare.

Ignoring this category of the population in the Soviet period, due to the fact that it was attributed to the class enemy, and, accordingly, was seen on the other side of the barricades, did not allow to properly assess their activities. Since any religion, including the Muslim one, was regarded as an implacable rival of Marxist ideology, propaganda of militant atheism became a means of combating religious teachings. Under the circumstances, there could be no talk of covering their activities, especially linking it to serving the people.

The first scientific works after the disappearance of the communist ideology related to confessional topics were mainly devoted to the position of religions and their oppression in Soviet society. The changes in methodological approaches led researchers to the possibility of an objective study of the place and role of the servants of Islam in the life of the people. Researchers pay attention to the attitude towards Islam and muslims of the Russian government, the Russian Orthodox Church. The participation of Muslim priests in the national liberation movement has not received sufficient coverage in the scientific literature. The revealed new documentary materials used in writing the article helped to uncover a new facet of religious leaders in their participation in the struggle with the tsarist officials, with the new order, with the policy being pursued towards the Muslim population.

Key words: national liberation movement; muslims; kazakhs; protest; mullahs; struggle; performance; servants of islam.

Мұсылман діни қызметкерлерінің ұлт-азаттық қозғалыстарға қатысуы

Садвокасова Закиш Түлеханқызы

тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері, , Шевченко көш., 28., Алматы қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: tungatar_k@mail.ru

Аңдатпа. Қазақ халқының ұлт-азаттық қозғалысы ресейлік самодержавияға жауап жауап ретінде болды. Оған қарапайым көшпенділерден бастап, қазақ ақсүйектерінің өкілдеріне дейін тұрғындардың барлық топтары қатысты. Дегенмен, бүгінгі күнге дейін мұсылман діни қызметкерлерінің наразылықтары туралы зерттеулер өте аз. Кеңестік кезеңде тұрғындардың бұл тобын таптық жау ретінде санап, баррикаданың арғы бетіндегі топ ретінде көргендіктен, олардың қызметіне дұрыс баға беру мүмкін болмады. Кез келген дін, соның ішінде мұсылман, марксистік идеологияның бітіспес жауы ретінде қарастырылғандықтан, атеизмді насихаттау діни ілімдермен күрестің құралы болды. Осындай қалыптасқан жағдайларда халыққа қызмет ету ретінде көрсетпегеннің өзінде олардың қызметтерін зерттеу туралы тіпті сөз де болмаған.

Коммунистік идеология жойылғаннан кейін конфессиялық тақырыптарға байланысты алғашқы ғылыми еңбектер, негізінен, діни ұстанымдарға және кеңестік қоғамда оларға қарсы жасалған қысымға қатысты болды. Ғылыми әдебиеттерде мұсылман діни қызметкерлерінің ұлт-азаттық қозғалысқа қатысуы жеткілікті түрде зерттелінбеді. Әдіснамалық көзқарастардың өзгеруіне байланысты зерттеушілер ислам діни қызметкерлерінің халық өміріндегі орны мен рөлін объективті зерделеу мүмкіндігіне ие болды. Зерттеушілер Ресей үкіметінің, орыс православие шіркеуінің исламға және мұсылмандарға деген көзқарастарына назар аударды. Мақала жазуда қолданылған жаңа құжаттық материалдар діни басшылардың патшалық шенеуніктермен, жаңа

тәртіппен, мұсылман халқына қатысты жүргізілген саясатқа қарсы күреске қатысуындағы жаңа қырларын ашуға көмектесті.

Түйін сөздер: ұлт-азаттық қозғалыс; мұсылмандар; қазақтар; наразылық; молдалар; күрес; қарсылық; орындау; ислам қызметкерлері.

Участие мусульманских духовных служителей в национально-освободительном движении

Садвокасова Закиш Тулехановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. 050010. Республика Казахстан, г. Алматы, ул.Шевченко, 28. E-mail: tungatar_k@mail.ru

Абстракт. Национально-освободительное движение казахского народа было ответом на вызов российского самодержавия. В нем принимали участие почти все слои населения от простых кочевников до представителей казахской аристократии. Однако до настоящего времени очень редко встречаются исследования о протестных выступлениях мусульманских духовных служителей.

Игнорирование этой категории населения в советский период по причине того, что ее отнесли к классовому врагу, и соответственно видели на другой стороне баррикад, не позволяло должным образом дать оценку их деятельности. Поскольку любая религия, в том числе и мусульманская, рассматривалась в качестве непримиримого конкурента марксистской идеологии, средством борьбы с религиозными учениями стала пропаганда воинствующего атеизма. При сложившихся обстоятельствах не могло быть и речи об освещении их деятельности, тем более, связывая ее со служением народу.

Первые научные труды после исчезновения коммунистической идеологии, связанные с конфессиональной тематикой, в основном были посвящены положению религий, притеснению их в советском обществе. Изменение методологических подходов привело исследователей к возможности объективного изучения места и роли служителей ислама в жизни народа. Исследователи обращают внимание на отношение к исламу и мусульманам российского правительства, русской православной церкви. Участие мусульманских духовных служителей в национально-освободительном движении не получило достаточного освещения в научной литературе. Выявленные новые документальные материалы, использованные при написании статьи, помогли раскрыть новую грань религиозных деятелей, их участие в борьбе с царскими чиновниками, с новыми порядками, с проводимой политикой в отношении мусульманского населения.

Ключевые слова: национально-освободительное движение; мусульмане; казахи; протест; муллы; борьба; выступление; служители ислама.

УДК/UDC 94:28(574) «18/19»

Участие мусульманских духовных служителей в национально-освободительном движении

З.Т. Садвокасова

Введение. В современный период, когда идет возрождение культурных ценностей, модернизация общественного сознания в рамках программы «Рухани жанғыру», исследователи обращаются к проблемам малоизученным, в то же время весьма привлекательным. Это стало возможным в силу изменившихся подходов в изучении отдельных страниц прошлого. Малоизученной является проблема деятельности мусульманского духовенства.

Место и роль мусульманских духовных служителей в казахском обществе не всегда оценивались адекватно. Долгие годы, когда Казахстан находился в составе Российской империи, служители ислама для царской администрации

представляли угрозу и препятствие в деле христианизации и русификации. Советские историки старались оставлять без внимания религию и всех верующих, а в случае упоминания использовались только нелестные характеристики. Не могло быть и речи о тесной связи национальных обычаев и традиций с религиозными обрядами, мировоззрением и мироощущением. После распада советской державы и образования независимых республик положение религий и духовенства все чаще становятся объектом исследований. Их участие в происходивших событиях рассматривается под другим углом зрения.

Процесс колонизации казахских земель шел по трем направлениям: военной, политической, экономической. Парадокс данного процесса состоял в том, что все эти три составляющие с одной стороны создали почву для духовной экспансии, с другой – консолидировали народ на основе осознания необходимости защиты своих экономических, политических интересов. Одновременно формировалось негативное отношение в целом к колониальной власти и проводимой ею политике. Это повлекло за собой активное сопротивление мероприятиям царизма во всех сферах, в том числе и религиозной.

Ислам сыграл важную роль в качестве сдерживающего фактора на пути проводимой колониальной политики Российской империи. Вплетенность религиозного самосознания на основе мусульманского учения в быт, обряды и традиции, в целом в духовную культуру казахов, предопределило место ислама в духовной жизни народа. На основе анализа фактических материалов показано негативное отношение чиновников колониальной администрации к исламу и мусульманскому духовенству, справедливо рассматривавших его как определенное препятствие в проведении колонизаторской политики в Казахстане.

Материалы и методы. За последние три десятилетия учеными бывших советских республик написано немало монографий, научных статей, где освещается место и роль религии. Эту проблему пытаются раскрыть казахстанские историки в своих трудах. Они посвящены мусульманам, христианам, католикам и другим представителям конфессий, волею судеб, оказавшихся на казахской земле. Причем большинство работ посвящено деятельности русской православной церкви, миссионерству и т.п. в национальных регионах. Описывается работа церковных служителей по увеличению числа православных из крещеных туземцев. Но приводятся и противоположные примеры, где исследователи на основе ранее неопубликованных материалов освещают совершенно неожиданные факты из жизни русских переселенцев, когда они добровольно «омусульманиваются» или «окиргизиваются».

Немало научных трудов посвящено колониальной политике царизма в Казахстане, борьбе казахов против угнетения и притеснения. Участниками национально-освободительных выступлений были различные слои коренного населения. Иногда восстания возглавляли представители белой кости – султаны. Сложно выделить какую-либо монографию казахстанских ученых, в которой можно встретить указание на участие представителей мусульманского духовенства в протестных движениях. Проблема выражения недовольства и выступлений исследовалась советскими и современными историками. Если советские ученые постоянно подчеркивали народный характер восстаний, следовательно, направленных против местных феодалов и царя, то, как следствие участие в нем беднейшей части населения. Движения,

возглавляемые представителями казахской аристократии, были отнесены к реакционным. Классовый подход не позволял объективно рассматривать данную проблему.

В постсоветский период исследователи делают акцент на национально-освободительный характер движений и участие в них широких масс населения, вплоть до султанов. К сожалению, об участии в них мусульманских духовных служителей, чаще всего умалчивается. А тем временем, имеется немало документов, где показана деятельность отдельных служителей ислама, выступавших за сохранение своей религии, родного языка, обычаев и традиций казахского народа.

Служители ислама после вхождения Казахстана в состав Российской империи не объявляли священную войну русскому самодержавию. Но они нередко принимали участие в выражении протеста. Их можно было увидеть в рядах восставших, они писали петиции в адрес царя, не выполняли требования колониальной администрации и т.д.

На наш взгляд национально-освободительное движение – это не только выступление с оружием в руках с большим числом участников. Это понятие намного шире. Это накопление горючего материала, которое выливается в огромное море протеста. Он может скапливаться по крупицам и долго, пока не дойдет до точки кипения. Анализ огромного массива документальных материалов позволяет сделать вывод, что восстания, происходившие с конца XVIII века и до свержения самодержавия, были ответом казахов на вызов русского царизма. Нарушение традиционного ведения хозяйства, отстранение чингизидов от власти, введение российской системы управления на территории Казахстана, притеснение мусульманского населения, русификация, христианизация и т.д. – каждое из перечисленных вмешательств в жизнь казахского народа превращалось в одну из составляющих восстаний. За каждым нововведением стояла недовольная часть общества: простые кочевники, ханы и султаны, «индифферентные» казахи, муллы. Маршруты передвижения кочевников по степи не устраивало новую власть, стремящуюся загнать их в ограниченные рамки землепользования. Ханы и султаны постепенно заменялись представителями обогатившейся части казахов, не имевших ничего общего с аристократической верхушкой общества. «Недобросовестные» казахи-мусульмане и их духовные служители стремились оградить веру предков от православных миссионеров, сопротивлялись распространению христианства.

Обсуждение. В исторических трудах ученых после распада Советского Союза освещаются ранее неизученные проблемы. Одни из них посвящаются целым эпохам, другие отдельным личностям или группам людей, преданных забвению в силу диктата коммунистической идеологии. В другом ракурсе показаны национальные отношения и ряд других «нежелательных» тем. Религиозная тематика являлась бесперспективной и не случайно в начальный постсоветский период в России появляются исследования, формулировки которых ранее просто не допускались: «деятельность Русской православной церкви», «религиозная политика», «неправославные вероисповедания», «отношение к мусульманам» и т.д. (Сергеев, 1990:18; Таймасов, 1991:15; Жировов, 1993:22; Белов, 1999:48; Вишленкова, 1999:50; Муфтахутдинова, 1999:48; Шагжина, 2001:30; Пинкевич, 2002:29).

Увеличилось количество научных исследований, основной проблемой которых выступают вопросы подготовки миссионеров, их деятельности в различных регионах Российской империи среди инородцев, ее результаты

(Ефимов, 2007:279; Лысенко, 2011:50; Софронов, 2007:446; Беляева, Яушкина, 2012:50; Исхаков, 2008:6; Волков, 2010:7; Ипатьева, 1999:51). Помимо привлечения в лоно христианства иноверцев, обращалось внимание на обращение в христианство язычников. К их числу отнесли и казахов. Так, в статье И. Волкова анализируется миссионерская деятельность РПЦ в Туркестанском крае, где делается акцент на возможность легкой пропаганды православия, так как казахи не относятся к числу мусульман в силу сохранившихся языческих обрядов. Он пишет: «Киргизы принадлежат к поклонникам Магомета, но считаются плохими мусульманами... Следы языческой веры удержались и поныне: киргизы верят в колдунов, боятся шайтана или злого духа, верят в заклятья, различают худые и хорошие приметы» (Волков, 2010:149). Подобные характеристики позволяли сделать поспешный вывод о благодатной почве для миссионеров.

В последние годы издаются научные труды, посвященные положению ислама и мусульманского населения на территориях, вошедших в состав Российской империи, политике правительства в области религии и т.д. (Литвинов, 1998:320; Садвокасова, 2005:340; Рахимджанова, 2018:8; Литвинов, 2014:6; Волков, 2017:11). Новые сведения, изложенные в указанных публикациях, показывают разные стороны деятельности колониальной администрации по отношению к коренному населению, русским переселенцам, попытки чиновников участвовать в религиозной жизни мусульман. Так, Рахимджанова Н.К. в своей статье пишет: «Представители власти приезжали на торжества по случаю мусульманских религиозных праздников, чтобы понаблюдать за верующими. 20 августа 1913 г. Туркестанский генерал-губернатор, военный губернатор Сырдарьинской области, представители городских властей и несколько официальных лиц приняли участие в праздничном намазе Рамазан. В намазе принимало участие очень много людей... Праздничное богослужение (Хайит намаз) не начинался до прибытия военного губернатора и представителей власти, местные жители вынуждены были ждать их, и только после их прибытия было дано разрешение для чтения» (Рахимджанова, 2018:89). К сожалению, автор статьи не пытается дать оценку поведению начальства. Ведь намаз всегда читается строго в определенное время и ожидание приезда высокопоставленных чиновников, приводило к нарушению требований ислама, что вызывало молчаливый ропот собравшихся.

Последствия проводимых мер самодержавия в жизни мусульманского населения явились причиной его негативного отношения к любым начинаниям и росту недовольства. В монографии «Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX – начало XX веков)» автор, одна из первых казахстанских историков, раскрывает положение мусульман и православных. Постоянное внимание колониальных органов к нуждам русских переселенцев и церкви и одновременно игнорирование прошений, касающихся религиозных вопросов коренного населения, вызывало справедливое возмущение. Притеснение ислама приводило к протестным настроениям представителей мусульманского духовенства и казахской интеллигенции, выразившимся в выступлениях против религиозной политики самодержавия в Казахстане (Садвокасова, 2005:340).

Интересным является использование религии в межведомственной борьбе между министерствами. В монографии «Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917 (по архивным материалам и иным источникам)» отмечается, что «МВД пыталось активно использовать конфессиональный

фактор в противоборстве с военным министерством за право управлять Русским Туркестаном» (Литвинов, 1998:183). Лакомый кусок, полученный в результате военных действий, толкал российских чиновников на приоритетное положение в его использовании. Если гражданская администрация пыталась не форсировать русское влияние, особенно религиозное, на коренное население, то военные стремились его ускорить, притесняя мусульман и тем самым доказать свою верность и преданность царю. Такое рвение обернулось нежелательными последствиями, а именно протестами мусульман, вылившимися позднее в вооруженное выступление мусульман, возглавляемое представителем мусульманского духовенства.

Ученые дальнего зарубежья на основе архивных документов и других источников раскрывают религиозную политику Российской империи в национальных регионах. В монографии Р. Джераси «Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России» исследуемый регион – Казань и Среднее Поволжье (Джераси, 2013:378). В данном труде привлекательны разделы, связанные с православным миссионерством, методами, используемыми проповедниками. Автор приходит к заключению, что для западных европейских государств Россия интерпретировалась как «варварская» страна и усилия правительства по «окультуриванию», «цивилизации» и «ассимиляции» народов, которые считались «азиатскими», заслуживают особенно пристального внимания. Но и в его работе мы не находим страниц, освещающих участие мусульманских духовных служителей в протестном движении.

Проведенный анализ исследований позволяет сделать вывод относительно деятельности мусульманских духовных служителей, а именно, что их участие в протестном движении казахского народа недостаточно изучено.

Результаты. В истории казахского народа в период с 1731 до 1917 года, то есть со времени вхождения в состав Российской империи Младшего жуза и до октябрьского переворота, имели место немало выступлений против русского самодержавия и его политики. Одним из крупных национально-освободительных движений было выступление под руководством Кенесары Касымова. В нем принимали участие не только представители белой кости, простые кочевники, но и муллы.

В циркуляре Оренбургской пограничной комиссии 1847 года о предании суду участников восстания Кенесары Касымова отмечалось, что бывший начальник Оренбургского укрепления подполковник Ерофеев «в ноябре месяце 1846 года задержал в степи двоюродного брата мятежного Султана Кенесары Касымова Султана Сеиль-хана Бигалина, Юз-Башу Тайшана Миярманова, бия Чукмара Бактыбаева, муллу Умитбая Кандыгулова с 22-мя киргизами, приезжавших с возмутительными письмами к мирным ордынцам Восточной части Орды и для сбора с них зякята в пользу Кенесары»¹. «Приверженцы мятежника» по велению царя должны были быть осуждены по Полевому Уголовному Уложению, вследствие чего в Оренбургском укреплении была учреждена Комиссия Военного Суда. Признав их виновными, государю императору докладывалось: одного повесить, двоих расстрелять, муллу отправить в солдаты, «прочих киргизов за исключением некоторых малолетних, прогнать сквозь строй, отдать в солдаты, или, если бы кто оказался неспособным к фрунту, сослать в Сибирь на поселение»².

¹ Центральный Государственный архив РК (далее ЦГА РК). Ф.78.Оп.2.Д.14.Л.1

² ЦГА РК. Ф.78.Оп. 2.Д.14.Л.1об.

Однако царь смягчил приговор: повешение заменено было отправкой в арестантские роты в крепость Аланд на 20 лет; вместо расстрела поместить в крепости Свеаборг и Динабург сроком на 20 лет. «Муллу Умитбая Кандыгулова, – который присоединился к шайке Бигалина с намерением возвратиться в свои аулы, но читал у него возмутительные письма, - отправить в арестантские роты в Кронштат на 15 лет»³. В документе отсутствует содержание «возмутительных писем». Но, строгое наказание, которое понес мулла, позволяет сделать вывод о том, что они были направлены против колониальной политики царизма в Казахстане. Других казахов, «добровольно присоединившихся к скопищу Кенисары и участвовавших в разбоях», отправили в арестантские роты на 15, 10 лет⁴.

Если некоторые казахи готовы были отдать жизнь за свой народ, то находились и другие, готовые выслужиться перед русским начальством, «за усердие свое и преданность правительству» украситься медалями, кафтанами с галунами, саблями в серебряной оправе, папиросницами, халатами различных разрядов и другими заманчивыми для их тщеславия, отличиями. Вместе с тем не каждый, выслужившийся перед властями, и награжденный какой-либо медалью мусульманин, мог решиться надеть его, так как она имела форму креста или его изображение.

Иногда в организации протестов по поводу отказа от ношения русских наград и прочих знаков видели влияние мусульманских духовных служителей. Проявляли нежелание носить подобные предметы некоторые служители администрации из числа казахов. Для волостных управителей, биев, аульных старшин были установлены специальные знаки отличия. При встречах с русскими представителями колониального аппарата отмечались случаи отсутствия указанных знаков у казахского чиновничества. В секретном представлении Военного губернатора Акмолинской области в марте 1870 года Генерал-губернатору Западной Сибири было дано объяснение такому поведению: «По магометанским законам воспрещается наложение на себя изображения имеющего вид креста, так как крест этот находится на верху Императорской короны»⁵.

Стремление к власти казахских должностных лиц и одновременно нежелание носить знаки с изображением креста толкали их на мысль о возможности «ходатайства замены знаков», руководствовавшиеся «теми же религиозными побуждениями»⁶.

Причем, анализируя сложившееся отношение в данном вопросе, работники колониального аппарата выделили основную причину отказа, связанного с религией коренного населения. Акмолинский губернатор указывает: «Донося об этом Вашему Высокопревосходительству считал нужным выразить, что это обстоятельство заслуживает серьезного внимания, так как причины его кроются в глубоко затаенном убеждении высших сословий о решительном намерении правительства поколебать в народе мусульманство»⁷. Заключение губернатора было неслучайным. Наблюдения их за поведением и реакцией казахов на введение новых порядков, особенно касающихся религиозной жизни, привели их к заключению об опасности, идущей от мусульманского духовенства. Запретительные меры по строительству мечетей, появление крещеных казахов, увеличение количества

³ Там же

⁴ Там же

⁵ ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.22. Л.2-2об.

⁶ ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.22. Л.2 об.

⁷ ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.22. Л.3об.

переселенцев, разъезды по степи миссионеров, бесплатная раздача священных писаний не оставались без внимания со стороны мусульманского населения и служителей ислама.

Казахи молчаливо, но с крайним раздражением переносили ряд преобразований, которые, по мнению, чиновника, должны были привести к «преуспеванию киргизского народа, однако существенно затронувшие многие интересы, с коими он сроднился, народ естественно остановился на том предмете, в котором он считал себя полным хозяином – на своей вере»⁸. Российский чиновник прав, утверждая, что казахи остались верными исламу. Хотя определенная часть чиновничьего аппарата твердила о равнодушии казахов в отношении религии.

Введение нового порядка управления сопровождалось многочисленными слухами среди населения. Особенно вызывало тревогу казахов решение об изъятии «киргизского духовенства из под ведения Оренбургского Магометанского Собрания»⁹. Оно произвело в степи невыгодное впечатление для русской администрации. Накануне, летом 1869 года докладывалось, что от обществ Кокчетавского и Петропавловского уездов было подано заявление, подписанного 274 лицами. Казахи выражали свое недовольство проводимой религиозной политикой. Они писали, что «публичная и торжественная служба в мечетях может быть истинною, в таком только случае, когда лица заведующие мечетями были бы утверждены в звании ахунов и имамов Муфтием Духовного Собрания»¹⁰.

Кокчетавскому и Петропавловскому уездным начальникам было дано секретное предписание о необходимости наблюдения за ходом этого дела и особенно за муллами. Однако толки о последствиях преобразований в религиозном вопросе «распространялись в кочевьях, не обнаруживаясь впрочем ничем, - кроме упомянутого сопротивления в принятии установленных знаков»¹¹. Изъятие из ведения Оренбургского Духовного Собрания родовитые казахи объясняли «как меру долженствующую подготовить в киргизском народе падение Исламизма (так в документе)»¹². Подозрение о возможном готовящемся русским правительством религиозном перевороте, зародившееся в умах «развитых из киргизских родоначальников» усилило внимательность и ревность мусульманского населения в деле веры.

Военный генерал Акмолинской области в письме генерал-губернатору Западной Сибири 9 декабря 1897 года писал, что казахи изъятые из Оренбургского Магометанского Духовного собрания по ряду причин. Они «хотя и называют себя магометанами, но в своей частной жизни, как в религиозном, так в гражданском и нравственном отношениях, они не руководствуются ни Кораном, ни шариатом и никакими другими постановлениями магометанской религии, а своими народными обычаями»¹³. Наблюдения за реакцией казахского населения, его отношение к русскому языку, обычаям позволили сделать преждевременные выводы о том, что это «значительно облегчает задачу администрации относительно распространения между ними русской цивилизации и ручается за то, что со временем они будут добрыми русскими гражданами». Но тревогу вызывала «магометанская пропаганда», представляющая собой затруднение обрусения казахов и «может пара-

⁸ Там же

⁹ Там же

¹⁰ Там же

¹¹ ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.22. Л.4.

¹² ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.22. Л.4

¹³ ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.52. Л.4 об.

лизовать все благие намерения правительства»¹⁴. Поэтому, в лице мусульманских духовных служителей видели потенциальную преграду в деле распространения православия и русского влияния на коренное население.

Чиновники писали о вредном влиянии татар, особенно духовных лиц на казахов и предпринимали меры по предупреждению его распространения. Губернаторов областей просили сообщить следующие сведения: деятельность лиц духовного звания из татар, в особенности совершивших путешествия в Мекку; проведение занятий в школах татарами, обучение детей русскому языку; открытие школ при татарских мечетях. Для сбора необходимой информации Генерал-губернатор Акмолинской области дает задание уездным начальникам: «собрать негласно и самым тщательным образом и доставить ко мне со своими соображениями и мнением»¹⁵. В дополнение к данному предложению было отправлено представление, где указывалось «о воспрещении татар духовного звания, а равно лицам не киргизского происхождения, совершившим путешествие в Мекку, разъездов по степи и проч.»¹⁶. Поступившие ответы на предписание в основном отличались сдержанностью. Но среди них встречались сведения о татарских муллах, их влиянии на казахов и заявление чиновников «оберегать киргизов от татар, как овец от волков». Указывая на родственные связи между казахами и татарами, выражавшиеся в близости языка, религии, отдельных обычаев, предлагали препятствовать появлению их в среде коренных жителей. Вместе с тем о необходимости следить за религиозным настроением казахов нередко звучало в выступлениях чиновников колониальной администрации. Поэтому, представителям управленческого аппарата рекомендовалось чаще присутствовать в местах скопления мусульман.

В статье «Трактовка религиозных праздников и обрядов в туркестанской печати в конце XIX – XX веков (на примере исламской религии)» автор пишет, что власти Туркестанского генерал-губернаторства «старались принимать непосредственное участие в религиозной жизни мусульман, изучать и контролировать их, а при необходимости напрямую вмешивались в их деятельность. Рассылались печатные варианты специальной молитвы (дуа) с требованием читать этот текст с благословением русского императора и его семьи. Была использована брошюра «Хутбалик», которая впервые была издана литографским способом на татарском и арабском языках в 1888 г. в Казани. В том же году по приказу властей эта брошюра была издана для имамов мечетей тиражом 1500 экземпляров» (Рахимджанова, 2018: 90). Постоянное вмешательство в религиозную жизнь мусульман приводило к их протестам.

Антиколониальные выступления, возглавляемые муллами, происходили в разных местах, где проживало мусульманское население. Одним из них является андижанское восстание 18 мая 1898 года, взбудоражившее весь Туркестанский край. Возглавил его ишан Мухаммед-Али¹⁷. Это выступление было довольно многочисленным – более 2000 человек. В нем принимали участие почти все население, так Мухаммед-Али удалось привлечь в свои ряды волостных правителей, народных судей и другие сословия местных жителей. Главная цель, выдвигаемая выступавшими людьми: «ниспровергнуть русское владычество» (Миропиев, 1901:389).

Участников восстания постигла тяжелая участь: заплатились жизнью 18 человек, 360 сослали на каторгу. В местности, где проживал руководитель

¹⁴ ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.22. Л.5.

¹⁵ ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.52. Л.2.

¹⁶ ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.52. Л.3.

¹⁷ ЦГА РК. Ф.649. Оп.1. Д.153. Л.1-3.

выступления, поселили переселенцев. Они образовали русское село, состоявшее из 200 дворов¹⁸.

Жители аулов, недовольные создавшимся положением в конфессиональной сфере, требовали от своих волостных управителей доведения до сведений уездного начальства, об их состоянии, в данной области. На проходившем в 1903 в марте месяце, Петропавловском съезде крестьянских начальников, 8 волостных управителей зачитали заявление от казахского населения по положению мусульманской религии.

В нем, в частности, говорилось о необходимости возврата волостным муллам метрических книг, о разрешении муллам совершать бракосочетания, молитвы над родившимися и умершими, об устройстве в каждом ауле по одной мечети, о предоставлении Оренбургскому муфтию назначать в степи мулл, как и в городах, с присоединением к Оренбургскому Собранию. В заключении волостные от имени казахского общества добавили, что просьбы «киргиз возникли потому, что всем вероучениям предоставлены духовные управления и лишь киргизы лишены такого»¹⁹.

На все пункты заявления волостных управителей были даны отрицательные ответы с предупреждением, что их просьбы незаконны, «как по форме, так и по существу и возбуждение таковых влечет за собою известную ответственность». Волостных управителей обязали, чтобы они по возвращении в свои волости, благоразумными советами успокоили население и «отнюдь не допускать состояния требуемых приговоров и даже совместного обсуждения скопом возбуждаемых вопросов». Правда пообещали: «о всем этом будет доведено до сведения господина Военного губернатора Акмолинской волости»²⁰.

Справедливые требования казахского общества возмутило уездное начальство. Поступили даже предложения подвергнуть должностных лиц, то есть волостных управителей, наказанию за сделанное заявление. Но, обсудив, приняли следующее постановление: «Обращаясь к съезду Крестьянских начальников, они имели в виду ознакомление с положением дел в степи и вместе с тем посоветоваться. И, наконец, в виду того, что каждая репрессия по отношению к управителю, за сделанное заявление по религиозным вопросам, могло крайне обострить отношения и нарушить спокойствие в степи»²¹.

Недовольство мусульманского населения политикой проводимой русским царизмом проявлялось по всей территории Казахстана. Акмолинский уездный начальник 2 мая 1905 года направил рапорт военному губернатору области, в котором писалось о том, что в акмолинских степях среди казахов широко развивается религиозно-патриотическое движение «против царской России»²². А его источник, как ни странно для карательных органов, находился далеко от самого Казахстана, в столице России. Большое влияние на оживление и активизацию религиозно-политического движения в Казахстане, оказало созданное полковником Газизом Валихановым в Петербурге, мусульманское общество. Газиз Валиханов окончил Омский кадетский корпус, служил в войсках царской армии и закончил свою служебную деятельность в военном министерстве. Еще задолго до получения звания полковника, будучи штабс-ротмистром, он своими высказываниями о политике царизма вызывал

¹⁸ ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.1133. Л.35.

¹⁹ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1. Д.871. Л.14-14.об.

²⁰ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1. Д.871. Л.14.

²¹ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1. Д.871. Л.14 об.

²² ЦГА РК. Ф.369. Оп.1. Д.897. Л.29.

раздражение у вышестоящего начальства. В феврале 1869 года Туркестанский генерал-губернатор докладывал военному министру о получаемых неодобрительных отзывах, о штабс-ротмистре Валиханове. Непокойное поведение казахов южной части Семиречья связывали с влиянием на них Валиханова. Было передано, что «даже в разговоре с местными властями, он высказался, что киргизская степь, бывшая родина великих завоевателей Тамерлана, Чингиз-хана, Батыея и других, может и теперь проявить свои силы»²³. На замечание некоторых лиц о разнице между прошлым и настоящим «Валиханов старался доказать, что силы России не так велики»²⁴. Для прекращения влияния Валиханова на семиреченских казахов предложено было отправить его на родину в «область сибирских киргизов», о чем поставили в известность генерал-губернатора Западной Сибири.

Постоянные связи с Газизом Валихановым способствовали активизации деятельности мулл. С 1903 года в городах Петропавловск, Кокшетау и Акмола была создана подпольная религиозно-политическая организация, в которую входили не только муллы, но и мугалимы и студент юридического факультета Петербургского университета Айдархан Турлубаев, впоследствии ставший одним из видных лидеров алашского движения. Во главе этой организации стоял мулла третьей мечети города Петропавловска Мухамеджан Бекишев. Его брат Хусаин Бекишев являлся главным агитатором движения в городе Акмола. Он собирал всех местных мулл и вместе с ними обстоятельно обсуждал все вопросы о нуждах казахов. На одном из сборов даже было принято решение «подать петицию в Петербург»²⁵.

Таковую же работу в карагандинских степях вел мулла Мухамеджан Елебаев. Из Петропавловска во все концы Казахстана посылались письма с рекомендациями тщательно обсудить религиозно-политические вопросы и готовиться к созыву съезда всех представителей и почетных лиц казахского населения, собирать средства для нужд составления и отправки в Петербург делегации с петицией казахского народа.

Муллы Наурызбай Таласов, известный в литературе и народе как Науан Хазрет, вел антиправительственную агитацию среди мусульманского населения, призывая его к войне против колонизаторов, сочинял и распространял антиправительственные письма. Науан Хазрет снискал в народе славу защитника веры, национальных традиций казахского народа. Он апеллировал к исламу, видя в нем силу, способную противостоять церковному напору и русификаторской политике царизма.

Муллы Мухамеджан Бекишев, Шаймердан Косшегулов, Смагул Балжанов, студент Айдархан Турлубаев и другие сочиняли письма и рассылали их по заранее составленным адресам наиболее влиятельным лицам казахского общества: Садвакасу Шорманову (Павлодарский уезд), Кенжину (Зайсанский уезд), Абаю Кунанбаеву (Семипалатинский уезд) и другим, чтобы они оказали содействие в сплочении народа во имя сохранения национальной самобытности²⁶. Содержание этих писем сводилось к неподчинению казахских мулл колониальной администрации. В них указывалось на необходимость подчинения Оренбургскому муфтию, о прекращении преследования ислама церковью и властями, уважение обычаев и традиций казахов, сохранение мусульманских школ, о свободе казахского языка, о

²³ ЦГА РУ. Ф.И-715. Оп.1. Д.39. Л.65.

²⁴ Там же

²⁵ ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.938. Л.30.

²⁶ ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.938. Л.29-30, 43-47, 69, 79, 86, 117-118

прекращении переселения крестьян на казахские земли, о ликвидации должности крестьянских начальников и т.д. В письме (прошении) министру внутренних дел от имени казахов восьми волостей Кокшетауского уезда Акмолинской области от 28 апреля 1903 года писалось; «отдав крестьянам искони обитавшиеся нами земли, начальники вывели нас на бесполезные нам места. Мы и это протерпели. Ныне покоем наших душ был священный шариат и вера наша. Когда же пришло такое утеснение, наша душа не вынесла, когда нашего доверенного для подачи прошения без всякого разговора подвергли наказанию, посадив в гаупвахту. Кораны наши, книги наши побросали в худые места, медресе наши запечатали. Мы скорее умрем, чем отстанем от шариата»²⁷. А мулла Кудияр Распаев 24 февраля 1904 г. направил кокшетаускому уездному начальнику письмо, в котором говорилось: «наши отцы были сподвижниками хана Кенесары Касымову...умремте же за веру с оружием в руках как храбрые молодцы»²⁸. Притеснение в земельных вопросах, религии, несправедливое отношение к попыткам донести до властей ухудшающее с каждым днем положение, толкало коренное население на противостояние с ним.

Мусульманские духовные служители, выступавшие против русской администрации, политики самодержавия в Казахстане, имели заслуженный авторитет у своих прихожан. Материальное положение муллы порой свидетельствовало о его тесных отношениях с русским начальством. От усть-каменогорских мещан на имя уездного начальника 1 апреля 1911 года поступило заявление, где было указано, что «ввиду выборов приходского муллы идет сильная вражда» мусульманского населения, разделившегося на две группы²⁹. Одна против кандидата, исполняющего обязанности муллы Рангулова, выступающего за бедных и против богатого класса. Другая группа, негативно характеризующая личность этого духовного служителя как человека с антиправительственными и антирусскими взглядами. На одном из собраний, где обсуждался вопрос о поведении будущего избранного приходского муллы: как он должен учить прихожан молиться за Царствующий Дом, отношение к русским, Рангулов высказался негативно. На возражение присутствующих о недопустимости таких взглядов, так как «мы – русские подданные», он категорически отстаивал свою позицию, утверждая «вы делайте как хотите, а я буду делать так как говорю»³⁰. Просители указывали на необходимость мирного проживания с русским населением, а нежелательные речи муллы могли повлиять на молодежь и воспитать у них антирусские настроения. В связи, с чем требовали Рангулова от занимаемой должности и «ввиду таких обстоятельств отстранить»³¹.

Через несколько дней последовала реакция незажиточной части прихожан усть-каменогорской мечети, выступившая в защиту преследуемого муллы. Описывая сложившееся положение и поведение богатых мусульман в отношении муллы, писали, что «во главе первого богача из усть-каменогорских татар Ахтама Рафикова и приверженцем своим Фатисом Сейфутниковым» пытаются оклеветать соперника. Своими действиями стремились унижить Рангулова, ущемлявшего их самолюбие. Сторонники преследуемого муллы отмечали, что «избираемый нами мулла – человек образованный, грамотный, справедливый, осуждает поступки противные нашей веры, а этого то и не

²⁷ ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.938. Л.251.

²⁸ ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.938. Л.330.

²⁹ ЦГА РК. Ф.15. Оп.4. Д.1. Л.196.

³⁰ Там же

³¹ ЦГА РК. Ф.15. Оп.4. Д.1. Л.196об

терпят наши богачи». Поддерживая избранника в своем прошении, они подчеркивали, что «Ахмед-Софы Рангулов как бы несоответствующий своему назначению, более чем неправда»³². От неудобных мулл, тем более выражающих интересы малоимущих и протестующих против проводимой политики, старались избавиться.

В глазах казахского населения ученый мулла вызывал почет и уважение. Соблюдая обрядности ислама и вооруженный знаниями, такой мулла мог, как писалось в секретном донесении Департамента полиции «спокойно конкурировать с русской властью по влиянию в среде населения и является большим ненавистником правительства»³³. Российскому правительству нужны были служители ислама, поддерживающие его и восхваляющие в подготовленных молитвах, деятельность колониальной администрации и царя.

Недовольство мусульманского населения политикой проводимой русским царизмом проявлялось по всей территории Казахстана. Притеснение в земельных вопросах, религии, несправедливое отношение к попыткам донести до властей ухудшающее с каждым днем положение, толкало коренное население на противостояние с ним.

В годы Первой мировой войны чиновниками колониальной администрации было замечено, что большая часть мусульманская населения либо равнодушно относится к информации о ходе военных действий, либо выражает сочувствие не русским, а противникам России. И действия представителей местной администрации, направленные на поддержку русского оружия, царя, выраженные в обязательном помещении портретов царя в школах и чтение молитв оборачивалось нежелательной реакцией. В ходе расследования таких протестов выявлялись другие антиправительственные настроения.

В одной из справок Верненского розыскного пункта сообщалось, что в их местности один из ярых панисламистов З. Тазетдинов «убеждает мусульман сопротивляться распоряжению властей, поставить в мусульманских школах царские портреты»³⁴. Причем это заявление было сделано при большом скоплении прихожан в мечети. Далее в документе отмечаются другие «неблаговидные» дела этого человека: переписка с И. Гаспринским по поводу открытия «отделения общества «Таракіонъ-Исламъ» (прогрессъ мусульманъ) в городе Верном», раздача носовых платков во время праздника «Рождение Магомета с надписями и украшенных двумя полумесяцами со звездами»³⁵. Раздача платков была воспринята как безмолвная пропаганда объединения мусульман. Было замечено, что он «вел близкое знакомство с беглым солдатом Габбасовым»³⁶. (Вероятно здесь идет речь об участнике движения «Алаш» Халиле Габбасове). На основании сообщения «заведующего розыскным пунктом г.Верного и Семиреченской области 31 октября 1916 года З.Тазетдинов был заключен под стражу в Верненскую тюрьму и помещен в отдельную камеру. Отрицая все обвинения, заключенный показал, что и празднование «Рождения Магомета» носил чисто религиозный характер и не имел политического оттенка. В документах указывается, что Тазетдинов был освобожден 20 ноября 1916 года. Не исключено, что на исход дела повлияли события, происходившие в этот период в Казахстане. Но вместе с тем нельзя не учитывать, что арест в некоторой степени был предупреждением для

³² ЦГА РК. ф.15. Оп.4. Д.1. Л.199-199об.

³³ ЦГА РК. ф.369. Оп.1. Д.780. Л.10

³⁴ ЦГА РК. ф.73. Оп.1. Д.25-А.Л.1.

³⁵ ЦГА РК. ф.73. Оп.1. Д.25-А. Л.1об.

³⁶ Там же

мусульман. То есть, выражение недовольства в той или иной форме не могло остаться безнаказанным.

Заключение. Религиозная тематика в предлагаемой формулировке не исследовалась советскими историками. До настоящего времени деятельность мусульманского духовенства Казахстана не получила должного освещения. Отдельные страницы в научных трудах не создают полную картину участия данной категории населения в борьбе за сохранение ислама, за улучшение жизни, против колониальной политики самодержавия. Попытка раскрыть в данной статье некоторые деяния казахских мулл, связанные служению народу, стала возможна благодаря выявлению необычных источников.

Наступательность и агрессивность православных проповедников, поддерживаемых колониальной администрацией, заставляли мусульманских духовных служителей больше проявлять заботу о своих единоверцах, нежели думать о расширении их рядов. В этих условиях важно было самыми разными средствами поддерживать и укреплять религиозные чувства правоверных. Различными благотворительными делами они привлекали к себе массы. Православие было религией Государя и никакой опасности для нее не существовало. Совсем в другом положении находился ислам, притесняемый и нежелательный. Политика царских властей в отношении мусульманской религии, которая на протяжении многих веков играла ведущую роль в духовной жизни народа, вызвала протест со стороны мусульман. Преследование властями ислама послужило объединению и сплочению мусульман. Мусульманская религия в казахском обществе стала символом сохранения национальной идентичности. В эпоху «Зар-заман» поэты, обвиняя отдельных ханов и султанов, согласившихся ради личной выгоды допустить русского царя на казахские земли, призывали к сохранению прежних традиций, мусульманской религии. Не случайно имена этих поэтов долгое время предавались забвению, а некоторым вообще была уготована такая участь, что лишь сегодня мы знакомимся с их произведениями.

Казахи сопротивлялись насаждению порядков, которое несло им русское самодержавие. Видя перед собой могущественного противника, обладающего неограниченной властью и вооруженного намного лучше по сравнению с ними, патриоты своей родины, тем не менее, были полны решимости идти до победного конца. Желание получить свободу вело простых казахов, представителей национальной интеллигенции, мусульманское духовенство не всегда одной дорогой, но к осуществлению единой цели. Понимая, что захват их земли еще не означает, что все потеряно, казахи всеми силами старались сохранить национальную идентичность.

Таким образом, появление новых страниц в истории Казахстана связано с деятельностью мусульманских духовных служителей, оставивших заметный след в истории национально-освободительного движения казахского народа. Справедливо оценивая место и роль казахских имамов, мулл в борьбе против колониальной политики царизма, мы попытались внести свой вклад в ликвидацию некоторых белых пятен прошлого. При освещении малоизвестных фактов их участия в протестном движении, были выявлены новые имена, незаслуженно преданные забвению.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки и образования Республики Казахстан в рамках ПЦФ проекта BR05233709 «История и культура Великой степи» по теме исследования: «Национально-освободительное движение в Казахстане в контексте сохранения и укрепления национальной идентичности».

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

- 1 Белов, 1999 – Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. СПб., 1999. – 48 с.
- 2 Беляева, Яушкина, 2012 – Беляева Н.Ф., Яушкина Н.Н. Религиозно-культурные предпочтения мордвы в XIX – начале XX веков в контексте межкультурного диалога // Российский научный журнал. 2012. № 1. 50 с.
- 3 Вишленкова, 1999 – Вишленкова Е.А. Религиозная политика в России (первая четверть XIX века). М., 1999. 50 с.
- 4 Волков, 2010 – Волков И.В. Миссионерская деятельность православной церкви на национальных окраинах Российской империи (на примере Туркестана второй половины XIX – XX начала в.) // Вестник РУДН. Серия История России. 2010. № 1. С.146-153.
- 5 Волков, 2017 – Волков И.В. Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межкультурного сотрудничества в Средней Азии // Россия и мусульманский мир. 2017. №1. С.5-15.
- 6 Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 378 с.
- 7 Ефимов, 2007 – Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. 2007. 279 с.
- 8 Жировов, 1993 – Жировов В.И. Политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева в 80-90 годы XIX века. Воронеж. 1993. 22 с.
- 9 Ипатьева, 1999 – Ипатьева А.А. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века. Красноярск. 1999. 51 с.
- 10 Исхаков, 2008 – Исхаков Р.Р. Из истории Всероссийских миссионерских курсов в г. Казани. // Образование и просвещение в губернской Казани. Вып. I. Казань. 2008. С.74-80.
- 11 Литвинов, 1998 – Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917 (по архивным материалам и иным источникам): монография. Елец: Елецкий государственный педагогический институт. 1998. – 320 с.
- 12 Литвинов, 2014 – Литвинов В.П. Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане // Власть. 2014. №6. С. 88-93.
- 13 Лысенко, 2011 – Лысенко Ю.А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане. Барнаул. 2011. 50 с.
- 14 Миропиев, 1901 – Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб. 1901. 515 с.
- 15 Муфтахутдинова, 1999 – Муфтахутдинова Д.Ш. Эволюция политики Российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая половина XVII – начало XX века). Казань. 1999. 48 с.
- 16 Пинкевич, 2002 – Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века (1903 - февраль 1917). М. 2002. 29 с.
- 17 Рахимджанова, 2018 – Рахимджанова Н.К. Трактовка религиозных праздников и обрядов в туркестанской печати в конце XIX – начале XX веков (на примере исламской религии) // Россия и мусульманский мир. 2018. №4. С. 87-94.
- 18 Садвокасова, 2005 – Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX – начало XX веков) - Алматы: «Казак университети». 2005. 340 с.
- 19 Сергеев, 1990 – Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкирии – проводник политики царизма (II половина XVI-I половина XIX вв.). Куйбышев. 1990. 18 с.
- 20 Софронов, 2007 – Софронов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX веков. Барнаул. 2007. 446 с.
- 21 Таймасов, 1991 – Таймасов Л.А. Миссионерско-идеологическая деятельность православной церкви и противощерковное движение чувашского народа. Самара. 1991. 15 с.
- 22 Шагжина, 2001 – Шагжина З.А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Забайкалье (вторая половина XVII – начало XX вв. М. 2001. 30 с.

References

- Belov1999 – Belov, JuS. Pravitel'stvennaja politika po otnosheniju k nepravoslavnyim veroispovedanijam Rossii v 1905-1917 gg. [Government policy towards the non-Orthodox religions of Russia in the years 1905-1917] SPb., 48 p. (in Rus).
- Beljaeva 2012 – Beljaeva, N.F., Jaushkina, N.N. Religiozno-kul'turnye predpochtenija mordvy v XIX - nachale XX vekov v kontekste mezhkul'turnogo dialoga // [Religious and cultural preferences of Mordovians in the XIX – early XX centuries in the context of intercultural dialogue] // Rossijskij nauchnyj zhurnal. № 1. 50 p. (in Rus).

- Vishlenkova 1999 – Vishlenkova, E.A. Religioznaja politika v Rossii (pervaja chetvert' XIX veka) [Religious policy in Russia (first quarter of the XIX century) M., 50 p. (in Rus).
- Volkov 2010 – Volkov, I.V. Missionskaja dejatel'nost' pravoslavnoj cerkvi na nacional'nyh okrainah Rossijskoj imperii (na primere Turkestana vtoroj poloviny XIX – XX nachala v.) // [Missionary activity of the Orthodox Church on the national outskirts of the Russian Empire (on the example of Turkestan in the second half of the XIX-XX centuries.)] // RUDN Bulletin. Series History of Russia. No. 1. P.146-153. (in Rus).
- Volkov 2017 – Volkov, I.V. Sistema jetnokonfessional'nyh otnoshenij v Russkom Turkestane kak osnova mezhsivilizacionnogo sotrudnichestva v Srednej Azii // [The system of ethno-confessional relations in Russian Turkestan as the basis of inter-civilization cooperation in Central Asia] // Russia and the Muslim world. №1, pp.5-15. (in Rus).
- Dzherasi 2013 – Dzherasi, R. Okno na Vostok: Imperija, orientalizm, nacija i religija v Rossii [Window on the East: Empire, Orientalism, the Nation and Religion in Russia] M., 378 p. (in Rus).
- Efimov 2007- Efimov, A.B. Oчерki po istorii missiонерства Russkoj pravoslavnoj cerkvi. [Essays on the history of the mission of the Russian Orthodox Church]. M., 279 p. (in Rus).
- Zhirovov1993 – Zhirovov, V.I. Politicheskie vzgljady i gosudarstvennaja dejatel'nost' K.P. Pobedonosceva v 80-90 gody XIX veka. [Political views and state activities of K.P. Pobedonoscev in the 80-90s of the XIX century] Voronezh, 22 p. (in Rus).
- Ipat'eva 1999 – Ipat'eva, A.A. Missionskaja dejatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj cerkvi na jуге Dal'nego Vostoka vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. [Missionary activities of the Russian Orthodox Church in the south of the Far East in the second half of the XIX – early XX century]. Krasnoyarsk, 51 p. (in Rus).
- Ishakov 2008 – Ishakov, R.R. Iz istorii Vserossijskih missiонerskih kursov v g. Kazani. [From the history of All-Russian missionary courses in the city of Kazakhstan.] // Education and Enlightenment in the provincial Kazan. Vol. I, Kazan, P.74-80.
- Litvinov1998 – Litvinov, P.P. Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane. 1865-1917 (po arhivnym materialam i inym istochnikam): monografija. [The state and Islam in Russian Turkestan. 1865-1917 (on archival materials and other sources): monograph]. Yelets, 320 p.
- Litvinov 2014 – Litvinov, V.P. Vlast' i palomnichestvo musul'man v Russkom Turkestane. [The power and pilgrimage of Muslims in Russian Turkestan] // Power. №6. Pp. 88-93).
- Lysenko 2011- Lysenko, Ju. A. Missionskaja dejatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Kazahstane. [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan] Barnaul, 50 p.
- Miropiev 1901- Miropiev, M.A. O položenii russkih inorodcev. [On the situation of Russian aliens]. SPb., 515 p.
- Muftahutdinova 1999 – Muftahutdinova, D.Sh. Jevoljucija politiki Rossijskogo gosudarstva po otnosheniju k musul'manam Povolzh'ja i Priural'ja (vtoraja polovina XVII – nachalo XX veka). [Evolution of the policy of the Russian state towards the Muslims of the Volga region and the Urals (the second half of the XVII - the beginning of the twentieth century)]. Kazan', 48 p.
- Pinkevich 2002 – Pinkevich, V.K. Verospovednye reformy v Rossii v nachale XX veka (1903 - fevral' 1917). [Religious reforms in Russia at the beginning of the 20th century (1903 - February 1917)]/ M., 29 p.
- Rahimdžhanova 2018 – Rahimdžhanova, N.K. Traktovka religioznych prazdnikov i obrjadov v turkestanskoj pečati v konce XIX-XX vekov (na primere islamskoj religii)/ [The treatment of religious holidays and rites in the Turkestan press in the late XIX – early XX centuries (on the example of the Islamic religion)] // Russia and the Muslim world, No. 4. p. 87-94.
- Sadvokasova 2005 – Sadvokasova, Z.T. Duhovnaya ekspansija tsarizma v Kazahstane v oblasti obrazovaniya i religii (II polovina XIX – nachalo XX vekov) [Tsarism's spiritual expansion in Kazakhstan in the field of education and religion (II half of XIX - early XX centuries)]. Almaty, 340 p.
- Sergeev 1990 – Sergeev, Ju.N. Pravoslavnaja cerkov' v Bashkirii – provodnik politiki carizma (II polovina XVI-I polovina XIX vv.). [The Orthodox Church in Bashkiria – the conductor of the policy of tsarism (II half of the XVI-I half of the XIX centuries)] Kuibyshev, 18 p.
- Sofronov 2007 – Sofronov, V.Ju. Missionskaja dejatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v Zapadnoj Sibiri v konce XVII – nachale XX vekov. [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia at the end of the 17th - early 20th centuries] Barnaul, 446 p.
- Tajmasov1991 – Tajmasov, L.A. Missionsko-ideologičeskaja dejatel'nost' pravoslavnoj cerkvi i protivocerkovnoe dvizhenie chuvashskogo naroda. [Missionary and ideological activity of the Orthodox Church and the anti-church movement of the Chuvash people] Samara, 15 p.
- Shagžhina 2001 – Shagžhina, Z.A. Missionskaja dejatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Zabajkal'e (vtoraja polovina XVII – nachalo XX vv. [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Transbaikalia (second half of the 17th – early 20th centuries)] M., 30 p.